

АЛЕКСЕЙ СУШКО

ЖАХИ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

18+

Алексей Сушко

Жахи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70569991
SelfPub; 2024*

Аннотация

Солянка из щекотного абсурда, замешанная на мистике, славянских сказках, с добавлением чёрного юмора.

Содержание

Дневники живых и мертвых	4
Лесная прогулка	9
Про дерево	14
Хэппи-энд	17
Недокучная сказка про белого бычка	18
История другого города	25

Алексей Сушко

Жахи

Дневники живых и мертвых

В лесу темно, даже луны нет. Ни дорог, ни мигания огней – ничего. Опять залунатил. Не самая удачная болезнь для егеря. Понятия не имею, знаю ли я эти места и вообще мой ли это участок, хотя обычно я далеко не ходил. Утром будет видно, знать бы только, сколько сейчас времени и долго ли до рассвета. Снег ещё, как назло. Очнулся я только сейчас, так что неизвестно, сколько он идёт, но слой уже приличный. Значит, утром будут следы, что не может не радовать. Но холод дикий, а я в халате и сапогах...

По его следу мы пустили собаку. Благо, ушел недавно. Собака убежала, напав на след, и пропала из виду. До вечера мы аукали и звали её. Собака бесследно исчезла.

Очнулся лежащим около дерева. Кое-как встал и осмотрелся. Было светло, и я увидел дорожку из своих полузамёрзших снегом следов. Двинулся по ним. Неожиданно осознал, что стало тепло. Точнее, совсем никак: холод исчез, и

никаких температур не ощущалось вообще. Я оглянулся. Дорожка следов, по которой я двигался, шла только в обратном направлении. Свежих следов не было. Я посмотрел себе под ноги и увидел, что ног у меня нет. Меня вообще не было. Я вернулся обратно и увидел своё тело, лежащее возле дерева. Я был синий, мерзлый и мертвый...

Собаку мы не нашли. Вернулись по следам обратно к сторожке. Решили переночевать, а с утра снова выйти на поиски...

При всей своей бестелесности я надеялся, что могу летать, но все попытки были тщетны. Почему я умер, но нахожусь тут, а не на том свете? Решил докопаться до истины. Долго плыл по своим следам, пока к концу дня не вышел к сторожке. По пути увидел собаку в капкане, подышающую от холода возле моих следов. Помочь не смог. В сторожке горел свет, там кто-то был. Заплыв в окно, я увидел егеря с соседнего участка с какими-то двумя мужиками, мне неизвестными...

Несколько дней подряд мы искали его. Хотели вызвать спасателей, но рация не брала из-за метели. Все его вещи были на месте. В чём он ушел? Уже явно не жилец. Искать остаётся только его тело. Собака так и не вернулась...

Решив, что я умер, мужики смекнули, что мои вещи оста-

нутся бесхозными. Всё самое ценное вскоре топорщило их карманы. Стало обидно, решил мстить. Когда один из них полез снимать мои раритетные часы с кукушкой, я вселился в кукушку и вылетел ему в глаз. Глаз так и остался на клюве. Брать часы больше никто не хотел...

По жизни мы все тут атеисты и материалисты, но в сторожке явно кто-то есть. Призрак, наверное. Происходят странные вещи. Дом будто живой. Хотели отвезти раненого кукушкой Михалыча в больницу, но двери не открывались. С тем же результатом пробовали покинуть это проклятое место через окна. Словно замуровали. Михалыч истекал кровью уже долго и доживал свои последние минуты. Мы ничего не могли сделать...

Один подышает, остальные в панике. Наверное, я злой дух, хотя по жизни был добрым. Зачем мёртвому часы с кукушкой? Мёртвым ничего не нужно, но мне почему-то было обидно за свои пожитки, которые я так долго собирал всю свою жизнь.

Михалыч умер. Мы накрыли его покрывалом и положили на веранде. Шла уже вторая неделя нашего заточения. Еда заканчивалась. Однажды утром Иваныч не выдержал. Схватив лом и лопату, он нырнул в погреб, разворотив полки с закатками, и стал долбить стену, пытаясь прокопать

выход отсюда. Когда он забрался на достаточно большую глубину, его завалило...

Три банки соленых огурцов в погребе были безвозвратно разбиты. И картошку он потоптал, хоть её там и было мало. Жадность злого духа бескомпромиссна. Мстительность меня захлёстывает. Наверное, попаду в ад...

Я остался один. После дичайшей паники я успокоился, и в голову полезли философские мысли. Какая смерть уготована мне в этом проклятом доме? Что ждёт меня там? Буду ли я таким же призраком, как тот, что закрыл меня тут? Я решил ничего не предпринимать и не давать поводов меня убивать...

Четвертый день он валяется на диване и плюет в потолок, лишь изредка отвлекаясь покушать. Его бездействие раздражает меня всё больше и больше. Я не могу придумать, как его убить. Остаётся ждать, когда закончатся припасы, и он умрет голодной смертью...

Ничего не делаю, жду...

Когда он обедал, попытался вселиться в вилку. Хотел засунуть ее ему в горло, но удалось лишь уколоть язык. Поняв мой замысел, вилку он отбросил и стал кушать руками. Бе-

ШЕНСТВО...

В голове только философские мысли. Все так же жду...

Второй день он сидит на диване и медитирует. Теперь даже на еду не отвлекается. От бессилия я снова вселился в кукушку, пытаюсь нарушить его покой. Пока все попытки тщетны...

...

Две недели назад он умер. Тело так и осталось сидеть в позе лотоса на диване. А вчера его дух полностью уничтожил мою любимую сторожку. Сам он исчез, а я остался здесь, в этом мире. Наверное, где-то еще осталось то, к чему я привязан...

6-е декабря 2013-го

Лесная прогулка

Алехин Лёха собрался в лес пострелять по банкам и бутылкам, которые он заранее, еще с прошлого вечера, расставил в глубине леса. Выстрелов оттуда, как он думал, не должно быть слышно. Он достал из тайника пистолет, проверил, заряжен ли он, и направился в лес.

Лена Цилина ходила по лесу и собирала ягоды, для того, чтобы поехать на станцию и продать их. Для этого она специально встала пораньше. Она взяла небольшое ведро с фиолетовым дном из-за постоянно собираемой туда черники и отправилась в лес.

Голодная волчица вышла из своего логова, откуда доносился визг голодных волчат. Ей нужно было найти на сегодня еду, иначе скоро они передохнут от голода. Она сама была истощена и еле переставляла ноги, шагая с открытой пастью, свисающим языком и жадными вздохами, от той духоты, которая установилась в лесу к полудню.

Дойдя до места, Леха открыл прицельную пальбу из ПМ по банкам и бутылкам, то и дело промахиваясь. Из пятнадцати мишеней было сбито только пять, а патроны конча-

лись. Он принимал разные «крутые» позы, пытаясь попасть в зеленую пивную бутылку, которая упорно не хотела подставляться под пулю. Последняя пуля вылетела из пистолета и улетела в неизвестном направлении.

Лена насобираала почти полное ведро черники, когда последняя пуля пролетела у неё над головой и вмазалась в дерево. От неожиданности Лена вскрикнула, рассыпала ягоды и, пустив слезу отчаяния от неожиданно постигшего её страха, села на колени и принялась, рыдая, собирать ягоды.

Звук вскрика эхом донёлся до волчицы. Определив, с какой стороны он шёл, волчица медленно и лениво развернулась и пошла в обратном направлении, носом пытаясь учуять источник этого звука. Голод обострял её обоняние, и вскоре она вышла на полянку, где сидела Лена, собиравшая с земли рассыпанные ягоды.

Лёха с досадой шёл домой, вертя на пальце пистолет. Сбоку он слышал чей-то хоровой писк. Он подошел поближе и увидел волчье логово, из которого высовывались маленькие волчата, пытаясь унюхать незваного гостя. Лёха решил сходить домой, принести им чего-нибудь поесть, а заодно прихватить ещё патронов для пистолета.

Лена собрала почти все ягоды и только тогда заметила сто-

явшую напротив неё облизывающуюся волчицу. Она закричала во весь голос и кинула в волчицу ведром с ягодами. Со стороны волчицы послышался хруст рёбер. От боли волчица взвыла и поковыляла так быстро, как она могла, подальше отсюда, зализывать раны.

Лёха шёл с куском мяса и заряженным пистолетом к волчьему логову. Когда он подошёл к нему, он кинул кусок мяса волчатам, присел на корточки и наблюдал за тем, как они едят. Он вертел в руках пистолет и прицеливаясь в волчат, жадно рвущих мясо, и импровизированно их убивал.

Лена долго не думала. После того как она бросила ведро в волчицу она рванула со всех ног из леса. Она кричала и бежала, спотыкаясь о коряги. Её ступни то и дело вылетали из ее босоножек, она останавливалась, быстро их поправляла и продолжала свой панический бег.

А волчица тем временем ковыляла домой, голодная, побитая и хромая. Она подвывала от боли, каждый раз, когда ступала на больную лапу, так как не могла её поднять, из-за сломанных рёбер. Иногда она останавливалась передохнуть, но лежать тоже было больно, поэтому долго она не задерживалась.

Наблюдая за волчатами, Лёха заметил сзади скулящие

звуки. Это шла волчица. Он испугался, отбежал от логова и наставил на неё свой пистолет. Волчица шла на него. Лёха сделал выстрел, но промахнулся. Волчица испугалась, развернулась и пошла к конуре. Скуля и хромая, раздвинув мордой толпу волчат, она залезла в конуру и принялась зализывать раны.

Лена услышала эхо выстрела и остановилась. Подумав, что это могут быть охотники, она бросилась на звук. Добежав до того места где сидел Лёха и наблюдал за волчьей конурой, она бросилась к нему с криками о помощи. Лёха от недоумения встал и принялся выслушивать дрожащую и бессвязную речь Лены. Лена рассказала ему про волчицу. Лёха засмеялся и подвёл её к логову. Увидев волчат Лена вскрикнула, но Леха показал ей пистолет, уверив, что в случае чего не промахнется. Он показал ей раненую волчицу, которая, не обращая на них никакого внимания, лизала поврежденную лапу. Лена успокоилась, и через несколько минут они вместе с Лёхой уже умилялись волчатам.

Тем временем из-за дерева показался матерый и здоровый волк, который давно наблюдал за происходящим и оценивал ситуацию. Увидев, что Лёха и Лена повернулись к нему спиной, он подошёл к ним вплотную и зарычал, готовясь напасть. Лёха растерялся и, развернувшись, попытался выстрелить в волка, но не успел. Волк набросился на него и перегрыз ему глотку. Лена принялась убегать, но волк настиг и

её. Оба они истекли кровью и умерли. А волки ещё долго лакомились ими.

В какой-то из дней лета 2014-го

Про дерево

Ветер разбивался о стволы старых и могучих елей и сосен, которые, шурша своими лапами и скрипя стволами, напевали свою лесную мелодию. Вдалеке стучал дятел, и стук этот по лесу разносился так, что понять с какой стороны он исходит было невозможно. Неподалеку журчала небольшая речка, которая скорее походила на большой ручей. Она брала свое начало из родника, который образовался в этом же лесу. Разделяя лес на две части, она впадала в довольно большое озеро, которое находилось далеко за лесом. Птицы, журчание воды и ветер вместе образовывали эту по-своему ритмичную симфонию.

Однажды вместе с ветром в этот лес занесло зерно. Ветер подхватил его в соседней роще неподалеку и бережно отнёс в этот лес, приземлив его на невысокий бугор, оставшийся тут от раскопанной когда-то огромной ямы. Так дерево начало расти.

Время шло, и дерево стало показывать свои первые ростки. И чем больше оно становилось, тем больше солнца требовалось его листьям, но старые ели и сосны забирали весь свет себе, ведь они были выше и старше. Но дерево не сдавалось и всеми силами пыталось пробиться выше, пыталось дорасти до высоты вечных жителей этого леса. Его ствол криво

и ломало ветрами, но дерево билось и пробивалось вверх, к елям и соснам. А лесу было не до дерева, у леса и без него хватало деревьев. И оно начало потихоньку сдаваться...

Однажды со стороны озера на речку пришли бобры, которые начали строить свои плотины в речушке, делившей лес на две части. Река стала выходить из берегов и топить всё, что стояло вокруг. Вода потихоньку подбиралась и к дереву, все вокруг него стало усыхать. Старые деревья сдались под напором воды, осыпались и высохли. Не выдерживая собственной массы, они стали плюхаться в болотистую жижу, которая раньше была землёй. В лесу становилось светлее...

С каждым годом дерево становилось все выше, распуская свои ветви широко над той массой из гнили, воды и земли, стоя словно на пьедестале. Так шло время, река разливалась все больше и больше, русла у нее уже не было, оно слилось с землей. И через годы вода стала подмывать тот бугор, на котором победно водрузилось дерево. Бугор сырел и разваливался, но пока еще дерево могло сдержать своими корнями то небольшое, что оставалось от его пьедестала. Но так продолжалось недолго...

Вскоре дереву перестало хватать личного пространства – корни выросли, а земли становилось все меньше. Натиск воды переломил его борьбу, бугор развалился окончательно, но дерево продолжило стоять на своих жилистых корнях.

Перенасытившись водой, дерево стало увядать, корни стали подгнивать и превращались в труху под массой пресы-

ценных ветвей.

Развалился один, развалился другой, опора становилась все слабее и, потеряв равновесие, дерево медленно и лениво плюхнулось в болото. Вода поглотила его.

От старого векового леса осталась лишь болотная жижи-стая равнина, на которой теперь всегда было светло.

Осень 2014-го

Хэппи-энд

Дошел Колин сообразительный ум до суетности и тщетности всей его жизни, благодаря всяким диванным философам, циникам и мизантропам из интернета. Подкрепив все это экзистенциалистами вроде Кафки, Сартра и Камю, снял Коля с потолка мамину люстру, на которую она так долго собирала, и повесил вместо неё петлю, в которую и залез. Долго он стоял, решался, но как-то глянул он на люстру эту и о матери своей вспомнил, которая одна у него была, без мужа и других детей. Грустно стало Коле от этого. «Помрёт еще ненароком», подумал он и вылез из петли, повесив люстру на старое место.

А через неделю упала она ему прямо на макушку, от недостаточно хорошего крепежа. Так и не стало Коли. Долго его мать горевала, но так и не умерла, чему Коля был бы очень рад.

12-е ноября 2015-го

Недокучная сказка про белого бычка

Жила-была и не горевала деревня Мубыково и ровно до того момента она особых бед не знала, пока не началось...

А началось тогда, когда Машку Минохину, жену Петра и мать Арины, местные бабы под покровом ночи в реке утопили, за то, что мужей соблазняла похлеще жен законных. Арина-то вся в мать была по красоте своей, описание которой никаким филологическим законам не поддается, и потому не успели выловить из реки тело Машки, как повадились все любовники её напрямиком к Арине. Не отдалась никому Арина, за что дом их, необлаженные мужья чужих жен, и подожгли. Отец, чтобы дочь уберечь от участи материнской, схватил за руку, да в баню её переселил, которая в Дедовом лесу стояла. Запутанность того леса, кстати, приводила местных грибников в ужас. Что, впрочем, не мешало ежегодно пытаться счастья в грибах и стабильно по три, а иногда и по четыре человека в год, пропадать бесследно. Тревожили потом безлунными ночами жителей местных, шуршанием своих невидимых доселе никем душ, эти грибники.

А баня та над речкой возвышалась, на балках, и кто её поставил, уже никто не помнил, только то, что она над реч-

кой стояла, являлось неопишваемым плюсом, для любителей пропотеть, потому как за холодком далеко бегать не требовалось, дверь с обратной стороны открывали и прямым ходом в речку чресла свои бросали. Переделал Петро её в хату жилию, и остались они с Ариной там хозяйство разводить.

А у Василия Тесёмкина, вместе с его двумя сёстрами и мамкой на хозяйстве полный порядок был, да и в семье тоже. Жили они дружно, ладили все. Василий дома за старшего был, и дома его уважали. Любил Василий и по девкам пройтись, и выпить с мужиками, но все это было в чрезвычайную меру, что не подкопаться было под его чистую и белую, как бычок, которого Минохин на свое новое хозяйство приобрел, репутацию.

А за бычком Петро катался на ярмарку, да и лучше бы не катался, потому как, вернувшись теперь уже в родную баню, застал он очередного свата Ариного, под дверьми скулившим по ней. Бросил Петька повод, за который бычка он окольными путями по лесу Дедовому вёл, да и кинулся за сватом в припадке ярости. Зима стояла, как и лёд на речке. Кинулся сват по льду тому утекать, а Минохин за ним, туда же. Сват то убежал, а Петро обеими ногами под лёд провалился, и не стало с тех пор у него тех самых ног. Ходил он на протезах деревянных, что не мешало ему бычка растить да за Ариной приглядывать.

Шибко приглянулся тот бычок Петру. Чем больше росла его туша, тем больше любовь к нему у Петра росла. Полюбил

как сына, да так полюбил, что и за Ариной забывал глядеть. А Арина по лесу часто гулять стала, от безделья полного, да так с Василием они и пересеклись, когда тот по банкам из пневматики палил. Полюбились они друг другу шибко, и стала Арина по ночам, тайком, в деревню к Василию захаживать. Сидели они под лунами, всё больше друг на друга смотрели и все меньше молчали. Осознали они всю прелесть бытия вместе и в одну из ночей поцеловались. Крепко.

Тем временем у Петро проблема зрела, с бычком-то этим белым. Кормить блондина подростшего становилось нечем, и брать кормежку было неоткуда. Хиреть стал тот бычок. Горевал Минохин, корма специальные покупал. Но ничего не брал бычок в пасть свою. Сел тогда рядом с ним Петро и зарыдал скупыми слезами мужскими. Ногти от нервов стал грызть, да так и прокусил себе палец нечаянно. Подошёл бычок, понюхал палец, кровоточащий, да и облизнул. Удивился Петро и выдавил еще кровушки. Слизал и ее бычок, а потом и кисть хватанул. Так остался Петро без руки. Осенило тогда Минохина. Кинулся он домой, перевязку сделал, саблю взял, а потом в хлев, к свиньям забежал. Зарубил одну и принес бычку. С аппетитом тот поглотил её.

Выписался Петро из больницы, с очередным протезом, совсем исхудалый и лысый, вернулся домой и стал думать, где пропитание бычку доставать. Стали, таким образом, на деревне свиньи пропадать, а когда все свиньи были употреблены, стал Петро людей отлавливать. Сначала из баб тех, что

жену его в реке утопили, а потом и мужиков, которые от отсутствия баб стали все чаще пытаться найти в Дедовом лесу баню Минохиных, чтоб потребности свои инстинктивные с Ариной удовлетворить. Только плутали бесцельно бедняги эти в лесу том, что не мешало Петру их отлавливать и на съедение бычку отдавать. Слухи по деревне стали ползать нехорошие, никто не знал, куда народ девается. Стали про чудовище лесное байки ползать сарафанные, да только описание этого чудовища было неоднородным и непостоянным, ровно до того момента, пока бычок тот от Минохина однажды не сбежал и не перешёл на самостоятельные харчи. Тогда уж и Арина, и сам Петро далеко в лес ходить перестали, а описание чудовища лесного, белого как седина и с пятнами кровавыми, в деревне стало общепринятым.

В виду всех этих событий кручинился Василий по Арине, потому как та ходить перестала к нему. Решил он сам её найти. Прихватил свою пневматику, чтоб перед чудовищем не шибко трухануть при встрече, и направился в лес Дедов. Долго плутал он, по нему, до самой ночи, пока не вышел на поляну какую-то, где в сиянии лунного света мирно дремал тот самый бычок. Не помогла пневматика Василию. Онемел он от страха и бросился бежать с той поляны. Разбудил он и бычка этим. Кинулся тот за ним, да не догнал. Выбежал Василий к утру из леса и побежал по мужикам оставшимся, бригаду собирать и на бычка с охотой идти. Собрались мужики, да не густо их вышло, пришлось бабами дополнять

команду охотницкую. Взяли они кто ружье, кто вилы, а кто и палку просто и пошли они в лес, на бычка. А покуда они по лесу его всем миром настичь пытались, вышел тот бычок тихо и мирно из лесу и пошёл по деревне прогуливаться, поедая тех, кому духу не хватило на него пойти вместе со всеми. Долго бегала та орава по лесу, разбрелись все, растерялись, да так, что остался Василий один. Вышел он из лесу в деревню, как раз к тому времени, когда бычок уже наелся и благополучно вернулся под елей сень, и увидел лужи кровавые повсюду, а в деревне пустоту. Домой забежал, мать с сёстрами в погребе нашел живыми, рассказал им про всё, да и совсем голову повесил от печали и тоски. А бычок еще месяц охотниками теми кормился...

Запил Тесёмкин. Дико запил. Пить было не с кем уже в деревне, а он всё пил и пил. Пил пока однажды не вышла к нему Арина из лесу и не рассказала ему про то, как подсадил её отец бычка на человечинку. Сказала она ему отоспаться, а на утро взять ружьё и клубок с нитками. Спросил Василий зачем, да не услышал. Упал он в последнем пьяном припадке наземь. Затащили его сёстры с Ариной в хату, на кровать уложили, и стали утра дожидаться.

А Минохин тем временем аккуратно руку вторую себе отрезал и на кровь свежую бычка отловил, в стойло загнав. Ласкал он того бычка, души в нём не чаял от радости. Так до утра с ним и просидел. А на утро увидел, что стал тот бычок уже красным весь...

Собрался Василий с утра с Ариной в лес. Взял он всё, что она велела, и потопали они на опушку. Остановились они у самого входа, взяла Арина клубок и вокруг дерева обвязала, Василию назад отдав. Сказала она ему, чтобы он шел за ней, да клубок разматывал. Так дошли они до самой бани. Осмотрела Арина избу, заглянула в хлев, нигде Петра не было, только дорожку кровавую на снегу, в лес идущую, увидела. Побоялась Арина в лес идти, потому оставил Тесёмкин в избе её, а сам по дорожке той с ружьём в лес пошёл. Долго плутал он, кровавая дорожка уже закончилась, а бычка с Петром всё не было.

Попадались ему по пути блуждающие бесцельно по лесу души его односельчан. Крепко молчали они, сколько не пытался Василий разузнать местонахождение бычка. Плакали некоторые из них, а кто-то просто грустил от того, что не выбраться им уже из Дедова леса. Однако заметил Василий, что идут они все из одного места, что подвигло его пойти против течения и выйти на ту самую поляну, где впервые он бычка встретил. А как вышел, так и обомлел. Стоял посреди той поляны бычок, орошаемый снегом первым и доедал он там Петра. Не знал Василий, горевать ему или радоваться смерти Петра, да только думать недолго пришлось. Увидел он саблю Минохинскую, в траве валявшуюся. Подошёл он аккуратно к ней, чтоб бычка не спугнуть и подобрал, а как подобрал, вскинул ружьё своё пневматическое, да и пульнул в бычка. Выбила пулька глаз бычку, взревел он от боли да и бросился

на Василия. Стал Василий крепко, чтобы не свалиться, но не помогло ему это. Сбил бычок его с ног, да так, что хрустнуло что-то в грудной клетке у Василия. Насилу встал он и кинулся в лес бежать, бычка за собой увлекая. Бежали они до самой реки, где понял Тесёмкин, что другого пути нет, потому кинулся ещё на неокрепший лёд, а за ним и бычок. Добежал Василий до середины, да и остановился, потому как побоялся тонкого льда. Решил он дать бой бычку. Вскинул саблю, взмахом руки и тут-то лёд под ним и треснул. Провалился он в водные дебри, а за ним, в ту же дыру и бычок следом завалился, не справившись с торможением. Не выплыли оба.

Долго ждала Арина Василия, да поняла вскоре, что не вернётся он. Прошла по лесу, в поисках его, да только следы на речку ведущие и нашла. Горевала год она по нему, пока по нитке той, что протянул Тесёмкин до бани, не забрёл туда грибник из соседней деревни, по фамилии Ягин. Долго говорить, что и как у них с Ариной вышло, не стоит, но пожили они вместе порядком, пока не помер тот грибник от грибов плохо прожаренных. Так и осталась Арина одна, до самой старости, в той бане над речкой и с новой фамилией Ягина. Много ещё было на её веку всякого, но то уже к сказке, про бычка белого, никакого отношения не имеет...

август-октябрь 2015-го

История другого города

I. Встреча

Он сидел в полумгле ноябрьских сумерек на пустом вокзале, в зале ожидания, с тоской глядя в окно. Серый плащ, шляпа и чемодан были его вещами. Тишину вокзала нарушил скрип входной двери, после которой послышались шаркающие шаги и стук трости. В зал ожидания вошёл человек, внешность которого была скрыта полутьмой. Он сел напротив мужчины в сером плаще и тоже уставился в окно. Молчание было нарушено совсем скоро.

– Паровозов больше не будет. По крайней мере, в ближайшие месяцы.

Человек в сером с вопросительным взглядом отвёл глаза от окна и перевёл их на человека с тростью.

– Откуда вы знаете? – поинтересовался он.

– Я живу здесь всю жизнь и знаю расписание всех паровозов проходящих через наш городок. А запомнить это не очень сложно, потому что расписания как такового здесь нет. Последний поезд был три недели назад. Обычно, раньше чем через три месяца они здесь не появляются.

– Я как раз таки и приехал сюда три недели назад.

– А уедете невесть когда, если хотите уехать именно на паровозе.

Человек в сером повертел билет в руке, смял его и сунул в карман, достав оттуда жменю таких же помятых билетов, которые показал человеку с тростью.

– А с какой целью вы соизволили посетить наш городишко?

– Письмо пришло, от старого товарища. В гости намеревался к нему наведаться. Но товарища здесь не оказалось.

– Довольно странно.

– Я сам крайне удивлен.

– Вам есть где жить?

Человеком в сером помотал головой.

– Я сижу уже две недели на этом вокзале, и денег скоро совершенно не останется. Даже на еду.

– А что же вы делали, целую неделю?

– В каком смысле?

– Ну, вы здесь три недели, так? – человек в сером кивнул головой. – Две из них на вокзале, а первую неделю что?

– Не сочтите за грубость, но вы задаёте слишком много вопросов.

– Понимаю, – задумчиво ответил человек с тростью. – Но вы уж не обессудьте. Я всего лишь хотел предложить вам крышу над головой.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны.

– Тогда вставайте, и мы отправимся туда, где нас ждут.

– Нас?

– Ну, пожалуй, только меня, да и то, ожиданием это можно назвать лишь с большой натяжкой. Но, по крайней мере, нас не прогонят.

– Позвольте спросить о причинах такой крайней любезности?

– Не важно. Считайте меня гуманистом. Я просто люблю помогать тем, кто попал в такие интересные ситуации. Знаете ли, у нас тут такое нечасто происходит, если можно так выразиться.

– Да что вы?

– Да. Но не время рассуждать. Пройдемте на площадь, там должен быть извозчик.

Зал опустел.

II. Заявление

– Господа, господа, прошу тишины, господа.

Секретарь оживленно махал руками пытаясь привлечь внимания шумных посетителей, для того чтобы что-то сказать.

– Господа, сегодня приёма не будет.

Толпа моментально притихла. Но это продолжалось недолго. Возмущенный вопрос «Почему это?» из этой самой

толпы снова завёл её, теперь уже на недовольный лад. Секретарь снова замахал руками, пытаясь остановить новую волну шума.

– Барон очень болен. Доктора не делают хороших прогнозов. Ему стало плохо буквально час назад, прямо в его кабинете, за работой. Вы сами прекрасно знаете, как работал наш барон. На износ, господа. Не хочется ударяться в пессимизм, но смею заверить, что скоро все разрешится.

Шум толпы упал до шепота. Из кабинета, который загромождал секретарь, вышел доктор, что-то шепнул секретарю на ухо и снова удалился в кабинет. Подумав с минуту, секретарь снова заговорил.

– Господа, барон в агонии. Ему осталось совсем немного. Посему, согласно всем канонам вскоре он будет вынесен из кабинета на главную площадь нашего города, где и состоится торжественное прощание с нашим дорогим бароном. А пока, господа, не теряйте времени, а расходитесь и оповестите всех об этой нерадостной новости.

Толпа стала неохотно расплзаться. Секретарь скрылся в кабинете.

III. В гостях

Человек в сером и человек с тростью зашли в темный, источающий затхлость подъезд и подошли к одной из двери.

Человек с тростью подергал за шнурок звонка. Со скучающим видом оба стали дожидаться реакции на это. Она не заставила себя долго ждать. Дверь открылась, и из неё показалось лицо женщины, очень усталое и даже можно сказать замученное. В руке у нее была свеча, которой она осветила лица мужчин. Сильно щурясь, она начала всматриваться в них. Спросив у мужчины в сером, кто он, она перевела свечу на лицо мужчины с тростью и, не дождавшись ответа на свой вопрос, она набросилась на него с криками. Свеча упала, но не потухла. Мужчина в сером поднял её и с слегка недоумевающим видом принялся освещать происходящую сумятицу.

– Вернулся, паразит! Где деньги за комнату? Где деньги я тебя спрашиваю, негодяй, – вопила она.

– Деньги будут, все будет, очень скоро.

– Не надо мне тут это твое скоро. Знаю я это скоро. Деньги давай!

Из квартиры за происходящим наблюдали трое полуодетых детей от пяти до десяти лет. Мужчина с тростью схватил женщину, скрутил ей руки и, посторонив детей, завёл её в квартиру, на ходу предложив сделать то же самое мужчине в сером, что тот и сделал, закрыв за собой дверь.

Квартира была бедно обставлена и покрыта пылью во всех местах, где только можно было пыли осесть. Усадив женщину на табуретку, мужчина в черном принялся обшаривать столовую. Женщина тем временем разминала заломанную

руку и тихонько плакала. Мужчина в сером поставил свечку на стол, напротив женщины и хотел было ей помочь, но она прогнала его громким возгласом.

– Проходите, присаживайтесь, – обратился мужчина с тростью к мужчине в сером, обшаривая один из шкафчиков буфета.

Мужчина в сером сел за стол и положив шляпу около себя, наблюдал за тем, как мужчина с тростью и, как оказалось при свете, в чёрном пальто, что-то бурча себе под нос, обыскивал на корточках нижний шкафчик буфета.

– Опять у тебя поесть нечего, – возмутился он.

– А откуда в доме взяться еде, если в доме денег нету? – риторически ответила заплаканная женщина.

– А вас как зовут? – поинтересовался у неё мужчина в сером.

– Вдова, – ответил за неё мужчина в черном.

– Но ведь это статус, а не имя, – сказал мужчина в сером.

– Обойдёмся без имён, – буркнул мужчина в чёрном и вышел.

Мужчина в сером растерянно перебирал в руках полы своей шляпы, иногда посматривая на вдову и прокручивая в голове варианты для начала беседы. Но вернулся мужчина в чёрном и сам начал разговор с всё ещё заплаканной вдовой.

– Где мой револьвер?

– Я его заложила.

– Ах ты бесстыжая. Заложила револьвер, а ещё денег с

меня требует.

– Твой револьвер не стоил и трети того, что ты мне должен. А детей мне, чем кормить прикажешь?

– А с чем ты мне за деньгами идти прикажешь?

– Меня это мало волнует, мне надо чем-то питаться и детям моим тоже.

– Но ведь у тебя пустой буфет. Ты хочешь сказать, что уже всё съели?

– Да.

– А чем мне гостя кормить прикажешь?

– Не моё дело.

Вдова встала и вышла, оттолкнув стоявшего перед ней мужчину в чёрном, который сел на ее место.

– А она вам кто? – поинтересовался мужчина в сером.

– Никто. Просто взял её под свое крыло. Я всегда помогаю обездоленным вдовам и их сироткам.

– Тогда почему она к вам так относится?

– Зажралась, – ответил, как отрезал, мужчина в чёрном.

Мужчина в чёрном встал и снова вышел, зайдя в ту же комнату, куда не так давно зашла и вдова. Послышались сначала крики, а потом громкий, возбужденный шепот, который человек в сером не смог разобрать. Когда мужчина в чёрном снова вернулся, он предложил мужчине в сером идти за ним, что тот и сделал. Так они оба вышли из квартиры и оказались на мостовой, по которой уже накрапывал мелкий дождь.

– В общем, мы сейчас пойдём к одному моему товарищу,

он писатель и недавно получил гонорар. Займем у него денег. Только придётся потрудиться.

– В каком смысле?

– Я вас научу. Только не задавайте лишних вопросов и ничему не удивляйтесь.

Мужчина в сером недоуменно пожал плечами и принялся внимательно слушать то, что полушёпотом ему стал рассказывать мужчина в черном. Так они скрылись за поворотом.

IV. Вынос

Секретарь и доктор стояли над распластавшимся в рабочем кресле бароном.

– Это инсульт, – констатировал доктор.

– Но, надеюсь, он ещё годен? – спросил секретарь.

– Да, но времени крайне мало. Замена нужна в течение нескольких часов. Его нужно отсюда перенести ко мне в процедурную, чтобы я смог всё подготовить.

– Я придумаю, как это организовать без лишних подозрений. Секретарь вышел, но очень быстро вернулся, неся в руках свёрнутый ковёр.

– Около входа нас ждёт экипаж, – сказал секретарь.

– Завернём его в ковёр, вынесем, погрузим в экипаж и доставим вам.

Доктор согласно кивнул и, расстелив ковёр, они приня-

лись перетаскивать барона на него, скрутив его так, чтобы он мог мало-мальски дышать, они закинули свёрток на плечи и, тужась, вынесли из кабинета. Погрузив его в экипаж и загрузившись туда сами, они отдали ямщику указание трогать к больнице. Выгрузив его в процедурной, секретарь принялся разворачивать ковёр, пока доктор, скрывшись за маленькой дверцей, стуча склянками что-то отыскивал. Он вернулся со шприцем, сделал барону инъекцию в руку, и, скрутив его обратно в ковёр, они снова загрузили его в экипаж. Вскоре они подъехали к похоронному бюро, где уже окончательно выгрузили ковёр с бароном в мастерскую этого заведения. Когда они его развернули, гробовщик снял мерки с барона и, выйдя, вернулся вместе со своим сынишкой, с которым они вместе тянули гроб. Поставив его на заранее принесённые сынишкой стулья, они положили, ещё вполне дышащего, барона в гроб и прикрыли его белым покрывальцем. Гробовщик попросил всех удалиться. Секретарь и доктор распрощались до вечера, стоя на крыльце. После чего доктор уехал всё на том же экипаже, а секретарь, раскурив папиросу, присел на ступеньки, вытирая пот со лба. День, несмотря на сезон, выдавался жарким.

V. Застолье

Мужчина в сером сидел за скудно накрытым столом в ка-

кой-то комнате, обставленной примерно так же скучно, как и стол. В комнату вошёл мужчина в чёрном. В руке у него был зажат какой-то пузырёк. Прикрыв дверь поплотнее, он подошёл к столу и разлил по рюмкам, заранее принесённый ими, коньяк. Открыв пузырёк, он вылил часть его содержимого в бутылку, а часть в одну из рюмок, судя по всему, предназначенную хозяину стола. Закончив с этим, мужчина в чёрном положил пузырёк в карман ровно в тот момент, когда в комнату, с тарелками в руках, вошёл хозяин. На одной из тарелок была говядина, на другой квашеная капуста. Всё это было выставлено на стол. Мужчина в чёрном поморщился, на что хозяин отреагировал репликой

– Не привередничай. Могу поспорить, что ты и такого давно не ел»

– Откуда тебе знать о том, что я ем?

– Зная, как ты живёшь в последнее время, не трудно догадаться.

Мужчина в чёрном ухмыльнулся.

– Выпьем? – спросил он у хозяина.

– Не выпьем, – хозяин встал и вышел из комнаты.

– За ядом пошёл, – сказал мужчина в чёрном мужчине в сером. – Отравить меня хочет. Он похлопал по карману с пузырьком.

– С чего вы взяли?

– С того, что я давно его знаю и также знаю то, какие счета он хочет со мной свести. Ну а помимо того, пока я был в его

кабинете, я прочитал дневник этого дураля, в котором он все свои негативные чувства ко мне и методы избавления от них очень подробно описывает.

– А с чем это связано? – заинтересовано спросил мужчина в сером.

– Вы задаете слишком много вопросов.

Дверь отворилась, и в комнату вернулся хозяин. Вид его был чересчур взбудоражен. Он сел напротив мужчины в черном.

– Выпьем?

– Выпьем, – ответил мужчина в чёрном.

Все трое подняли рюмки. Хозяин подозрительно посмотрел на уже подносившего ко рту рюмку мужчине в чёрном, который пристально наблюдал за ним. Вдруг он выплеснул коньяк из своей рюмки на пол, взял бутылку, налил новую порцию и залпом опрокинул в себя. Мужчина в чёрном с довольным видом повторил тоже самое. С той же резвостью, с которой был выплеснут коньяк, у хозяина в руках появился пистолет, который до этого отлёживался в кармане. Оба мужчины были слегка ошеломлены. Пистолет был направлен на мужчину в черном. Тот быстро вернул себе быстрое самообладание.

– Иди ты! Самозарядный? Люгер что ли?

– Он самый, – ответил хозяин.

– И откуда же ты его взял? Не говоря уже про деньги, на которые ты его купил.

– Со мной больше такое пройдёт! – громко возгласил хозяин.

– Не пройдет что? – с ухмылкой спросил мужчина в черном.

– То самое... – он не успел договорить, как упал на пол в конвульсиях.

Мужчина в чёрном встал, подошёл к нему и с хладнокровным взглядом забрал пистолет себе, засунув его в карман плаща. Потыкав в агонизирующего хозяина тростью, он сказал мужчине в сером собираться, а сам скрылся в кабинете хозяина. Успев урвать несколько холодных кусочков говядины, мужчина в сером суетливо покинул комнату. Заглянув в кабинет, он видел, как мужчина в черном ковырялся в часовом шкафу, доставая от туда купюры и распихивая их по карманам. Кукушка начала резко сообщать о времени, что от неожиданности испугало обоих мужчин. Покончив с деньгами, они удалились из квартиры.

VI. Вызов

Секретарь зашел в мастерскую. Барон лежал в гробу, все еще живой. Гробовщик возился с чем-то у стола, попутно объясняя что-то сыну. Заметив секретаря, он обернулся и подошёл к нему с озадаченным видом.

– Нужно вызывать его, – сказал он секретарю.

– Как срочно?

– Чем раньше, тем лучше. Сам он, – гробовщик кивнул в сторону барона, – вряд ли в ближайшее время сделает это.

– Ну, а вы? Вы сами, почему этого сделать не можете?

– Я гробовщик, а не убийца.

– Ладно, я понял, – сказал секретарь. – Приготовьте только всё как можно быстрее.

– Уже почти готово.

– Хорошо, ждите меня, – сказал секретарь и вышел.

VII. Ломбард

Мужчина в чёрном и мужчина в сером сидели за столом в трактире, в ожидании еды.

– Всё же мне больно любопытно, – сказал мужчина в сером. – Кто вы такой и что вообще это было, в квартире вашего товарища?

– Это все не важно, дорогой мой, – с улыбкой ответил мужчина в чёрном. – Сидите и наслаждайтесь жизнью, пока есть возможность.

Плотно и молча пообедав, они вышли из трактира и направились вверх по улице.

– Сейчас мы зайдём в ломбард, – сказал мужчина в чёрном. – Нужно кое-что оттуда забрать. А потом можно и вздремнуть. Думаю, вдова не откажет нам в такой любезно-

сти.

Мужчина в сером лишь растерянно и задумчиво пожал плечами. Они зашли в ломбард. Мужчина в чёрном подошёл к хозяину и достал из кармана Люгер.

– Вам тут револьвер давеча не приносили? – спросил он.

Хозяин с недоумением посмотрел на револьвер и кивнул.

– Отлично. Я надеюсь, он еще у вас?

Хозяин снова кивнул.

– Прекрасно. В общем, давайте-ка мы с вами махнёмся. Я вам Люгер, а вы мне револьвер.

Хозяин стоял с каменным лицом.

– Он заряжен, – сказал мужчина в черном, кладя руку на пистолет.

Хозяин нагнулся на прилавок и достал оттуда ружьё, направленное в лицо мужчины в чёрном. Тот покривился и достал из кармана купюру, которую положил рядом с Люгером. Хозяин опустил ружьё, забрал деньги с пистолетом и удалился, вернувшись с огромным револьвером в руках. Мужчина в черном радостно улыбнулся. Расстегнув плащ, он засунул револьвер в кобуру, которая была пришита к изнанке плаща. Мужчина в сером и мужчина в чёрном вышли из ломбарда.

VIII. Работа

Мужчина в чёрном и мужчина в сером вернулись в квар-

тиру вдовы. Дверь им открыл один из детей, потому как сама вдова лежала в комнате на кровати, уставившись с задумчивым видом в потолок. Мужчина в черном подошёл к ней и, достав из кармана несколько купюр, кинул ей на грудь.

– На вот, – сказал он. – Это тебе на месяц вперёд.

– Тебя там ждут, – не отвлекаясь от потолка, сказала вдова.

Мужчина в чёрном выглянул в прихожую и заглянул в столовую. Там за столом сидел секретарь.

– Ждите здесь, – сказал мужчина в чёрном мужчине в сером, и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Мужчина в сером растерянно осмотрелся и, расстегнув плащ, присел в кресло, напротив вдовы. Долгое и неловкое, для мужчины в сером, молчание решил нарушить он сам.

– А всё же. – обратился он к вдове. – Как вас зовут?

Она промолчала, а он растерянно водил глазами по комнате. Внезапно вдова вскочила с кровати и подошла к мужчине в сером, сев ему на колени. Она начала его целовать.

– Хочешь уехать? – спросила она, не отвлекаясь от поцелуев.

– Хочу, – ответил он ошеломлённо.

– Не уедешь. Никуда не уедешь, – она впиалась ему в губы.

В комнату зашёл мужчина в черном. Он со спокойным видом наблюдал за происходящим. Вдова и не думала останавливаться, не смотря на то, что заметивший мужчину в черном мужчина в сером рьяно пытался ее оттолкнуть.

– У нас есть дело, – сказал мужчина в чёрном подходя к вдове, которую он взял под руки и сильным рывком снял её с мужчины в сером, отбросив на кровать. Вдова поправила одежду, легла и снова уставилась в потолок. Мужчина в сером встал и, поправляя плащ, вышел за мужчиной в чёрном недоумённо поглядывая на вдову. Мужчина в чёрном заговорил, когда они уже шли по улице.

– У нас есть новое дельце. Очень ответственное и важное.

– Опять кого-то травить? – иронично заметил мужчина в сером.

– Теперь у нас есть револьвер, – будто не понимая вопроса, ответил мужчина в чёрном.

Мужчина в сером вопросительно посмотрел на него, но промолчал. Они дошли до похоронного бюро пешком. У входа их уже ждал секретарь. Все вместе они зашли внутрь.

– В общем. – сказал секретарь, подходя к мастерской. – Доктор у нас гуманист и рук марать не хочет. Гробовщик тоже. Вся надежда на вас Яков Митрич.

Так звали мужчину в чёрном.

– Я привык марать руки за других, – сказал Яков, входя в мастерскую, где стоял гроб с бароном.

Яков подошёл к нему.

– Куда? – спросил он у секретаря. Секретарь кивнул в сторону доктора. Тот пальцем показал на свою грудь, примерно там, где было сердце. Яков достал револьвер, приложил его к груди барона и выстрелил. Доктор подошёл к гробу и

констатировал смерть. В мастерскую зашел гробовщик с носилками.

– Везём, – сказал доктор.

Секретарь и гробовщик подошли к гробу и перетянули тело барона на носилки. Доктор открыл дверь, которая была чёрным ходом, за которой уже стоял медицинский экипаж. Водрузив в него носилки с телом, доктор и секретарь погрузились в экипаж сами, который сразу же тронулся и уехал.

– Едемте, – сказал Яков мужчине в сером.

– Куда? – удивленно спросил тот.

– В госпиталь, – сказал Яков и вышел.

Мужчина в сером поспешил за ним.

IX. Процедурная

– Почему этого нельзя было сделать сразу здесь? – раздраженно спросил секретарь у доктора, который мыл руки.

– Потому что здесь не место для убийств, – спокойно ответил доктор, вытирая руки.

В процедурную вошли Яков и мужчина в сером.

– Раздевайтесь, – сказал Яков ему.

Тот снял плащ.

– Присаживайтесь, – сказал доктор мужчине в сером, указывая ему на стул. Тот сел.

– Закатайте рукав, – сказал доктор, занося над его рукой

шприц.

– Зачем это? – возмутился мужчина в сером.

Доктор посмотрел на Якова.

Тот хладнокровно достал из плаща револьвер и направил его в сторону мужчины в сером. Доктор снова посмотрел на него. Мужчина в сером пожал плечами и закатал рукав рубашки. Доктор вставил иглу ему в вену, надавил на поршень шприца и достал его из руки.

– Нужно недолго подождать, – сказал доктор.

– Господа! – раскатывая рукав, сказал мужчина в сером. – Вы мне можете объяснить, что происходит?

– Я совершенно забыл свою трость дома, – сказал Яков секретарю.

Секретарь, грызя яблоко, пожал плечами.

– Господа! – снова сказал мужчина в сером, но его прервал Яков.

– Помолчите. Сейчас все будет.

– Будет что?

– Не важно.

Доктор достал из шкафчика резиновую трубку, которую кинул Якову. Тот, поймав её, отдал револьвер секретарю, который продолжал грызть яблоко, и подошёл к мужчине в сером. Секретарь держал револьвер в его направлении. Мужчина в сером засуетился и хотел было встать, но Яков придержал его и, подойдя к нему со спины, накинул ему на горло трубку, принявшись душить.

– Только не убейте! – крикнул доктор. – Аккуратней.

Мужчина в сером перестал дёргаться и Яков сразу же убрал трубку с его горла. Подошел секретарь, и они уложили его на кушетку.

– Работайте, доктор, – сказал доктор, отдавая револьвер Якову.

Оба они вышли.

Х. Обрывочные сведения

...в хлебной лавке булки только черствые. Уже третий день живу без мучного. Недоедаю. Подопытный отказывается от больничной пищи. Возможно это рефлексивная брезгливость (не знаю, как ещё это назвать) за столько лет жизни в высшем свете. Отдаю ему своё, что вкупе с отсутствием хлеба не даёт мне полноценно питаться...

Сегодня ко мне в палату зашёл странный мужик, со шрамом на горле. Наверно вешался. Всё время повторял "ули-ули". Я угостил его колбасой, которую он жадно съел и продолжил "уликать". Мне не то чтобы было жалко, милая моя, но всё же я знаю, что наши соседи намедни закололи свинью. Разживись у них мясом и привези мне, будь так любезна. А то от больничной пищи кишки сворачивает.

Подопытный третью неделю не приходит в себя. Трезвость ума напрочь отсутствует. Его постоянное "ули-ули" уже действует на нервы.

Сегодня снова заходил этот мужик. Мы подрались. Я не совсем понял из-за чего, но судя по всему из-за того, что колбасы у меня не оказалось. В палату зашел доктор, как раз в этот момент и разнял нас, уведя с собой мужика и дико извиняясь.

Посадил подопытного в отдельную палату и запер там, чтобы больше не случалось инцидентов с пациентами. Сейчас вроде спит, но неизвестно надолго ли, потому что стабильного сна у него после операции не наблюдается. Нашел применение черствым булкам. Голова второго подопытного, которую я поместил в специальный раствор и подключил к аппарату искусственной жизнедеятельности, с удовольствием съедает его в дробленном виде. Лишь бы секретарь не узнал про это, так как голова была моей личной инициативой и неизвестно как он на это отреагирует.

Ули ули ули ули ули ули ули ули ули ули ули

Подопытный дорвался до моего дневника. Минул уже месяц, и я сделал для него послабления. Прогресса в развитии никакого. Намедни заглядывал секретарь и справлялся о де-

лах нового тела барона. Был очень разочарован. Сказал, чтобы я отрезал ему язык и через неделю представил ему на суд. Хочет его забрать. Завтра буду резать.

Сегодня угощал мужика салом, которое ты мне прислала. Выпили и помирились. Хотя кроме "ули" он мне ничего сказать не смог, но я и так его понял.

Язык ликвидирован. Он, наконец, заткнулся. Секретарь забрал его. Спросил, может ли он писать, на что я показал ему ту запись, которую барон оставил у меня в дневнике. Секретарь сказал, что сойдет за подпись и так даже лучше. Что касательно головы, то, по-моему, она начала соображать.

XI. Вырезка из газеты

«Несколько месяцев назад, когда город был в смятении в связи с пропажей нашего градоуправленца барона Ульянова, всё было списано на то, что барону нездоровилось. По прошествии некоторого времени барон снова появился на публике со странными, для продолжительного больного, изменениями. Лицом он был бледен, а вот телом прилично раздался вширь, и даже, казалось бы, в длину. Все документы и указы, которые стали выпускаться после этого промежутка времени, отчего-то были подписаны лишь коротким

"ули", что лишь отдаленно напоминало подпись барона. В связи с глупостью сих указов, (вроде распоряжения открыть недалеко от города ферму для экспериментов по выводу новых окрасок парнокопытных), нами было проведено расследование, в связи с чем выяснилось, что барон совершенно неадекватен и сам такого придумать не может, ввиду своей недееспособности. Как оказалось, всем этим заведовал его секретарь, Мирон Порфирьевич, который давеча бесследно исчез. Мы продолжим установление истины и будем держать в курсе наших читателей»

ХII. Исчезновение секретаря

В дверь к вдове постучали. Она открыла. На пороге стоял доктор.

– А вам что надо? – спросила вдова.

– Разрешите, я зайду? – вежливо сказал доктор.

Она его впустила. Доктор прошёл, снял шляпу и присел на стул, стоявший у двери. Вдова скрестила руки на груди и вопросительно на него посмотрела. Доктор задумчиво мялся.

– Он ещё тут живёт? – спросил он.

– Да.

– А бывает часто?

– Как придётся.

– Давно ушёл?

– С час назад.

– Можно я тут его подожду?

– Можно. Только далее прихожей не ходите.

– Хорошо.

Доктор расстегнул пальто и устроился на стуле поудобнее.

Вдова ушла в комнату, из которой слышались детские вопли.

Минуло несколько часов, прежде чем в дверь снова посту-
чали. Доктор, который уже полудремал на стуле, оживился.
К двери подбежал один из детей и открыл. В квартиру зашёл
секретарь. Из комнаты вышла вдова.

– Яков здесь? – спросил секретарь.

– Что это вдруг он всем сегодня понадобился?

– Кому это всем? – удивился секретарь.

Вдова кивнула в сторону доктора. Секретарь напряженно
повернулся.

– Здравствуйте, доктор.

– Добрый вечер, – сказал доктор, поднимаясь со стула и
протягивая руку секретарю.

Секретарь проигнорировал этот жест. Вдова снова удали-
лась в комнату.

– Вы тут, с какой целью? – спросил секретарь.

– К Якову Митричу.

– А зачем он вам?

– Поговорить.

– О чём?

– По личному.

Секретарь засунул руки в карманы брюк и подозрительно смотрел на доктора. Тот стоял в едва заметном замешательстве.

– Пройдемте на кухню, – предложил секретарь.

– Я не думаю...

– Зато я думаю.

Секретарь положил руку ему на плечо и потянул за собой.

Они зашли на кухню. Секретарь снял своё пальто, бросил его на подоконник, встал посреди кухни, снова засунув руки в карманы, и наблюдал за нервно пытающимся снять своё пальто доктором. Бросив это дело, доктор присел на табурет и бросил свою шляпу на стол.

– Ну, так что, уважаемый? Какими вы тут судьбами?

– Уважаемый Мирон Порфирьевич. Я думаю, что это не совсем ваше дело.

– Отчего же?

– От того же!

– То есть диалога у нас с вами не выйдет?

– Ну, лично к вам у меня только один вопрос.

– Какой же?

– Зачем вам понадобилось выводить новые окраски парнокопытных?

Секретарь развернулся и подошёл к своему пальто, пытаюсь в нём что-то найти.

– Дорогой мой доктор. Всё очень просто. – говорил он, шаря в пальто. – С новым видом окраски, мы сможем при

продаже наделять их всяческими полезными свойствами.

– Это как?

– Например, намеренно мы вывели новую, белую, окраску быков. Ничто не мешает говорить, что белая порода является более продуктивной в осеменении, чем бычки обычного цвета.

– Но ведь это же не так.

– Конечно, – секретарь всё так же лазил по пальто. – По свойствам он такой же, как и все. Всё дело в подаче.

– Сомнительная затея.

– В будущий год на ярмарке узнаем.

Секретарь достал из внутреннего кармана нож и повернулся в сторону доктора, но сразу же получил удар мясным топориком в темя от доктора, который уже стоял у него за спиной. Нож выпал у него из руки. Он обмяк и упал.

Доктор затрясся от страха и выронил топорик. На кухню вошла вдова и посмотрела на происходящее.

– А убирать вы, что ли будете? – спросила она недовольно.

Доктор не отводил взгляда от тела.

– Что за свинство! – возмутилась вдова, поднимая с пола топорик.

Доктор развернулся и быстро вышел. Вдова пыталась его нагнать, но не успела. Вскоре он вернулся. Вдова уже накрыла тело секретаря его пальто и отмывала с пола кровь.

– Имейте совесть. – сказала она, заметив доктора, – Избавьте меня от него. Тут же дети.

– Извините, пожалуйста, – виновато сказал доктор, подходя к телу.

Он полностью обернул его в пальто и взгромоздил на плечо.

– Извините ещё раз, – сказал доктор, забирая со стола шляпу.

Он покинул квартиру.

ХIII. Смена

Доктор бросил тело секретаря на кушетку. Раздевшись, он надел халат, маску, вымыл руки и подошёл к шкафчику, стоявшему у окна. Провернув ключ, он открыл его. На полке стояла ёмкость, заполненная синеватой жидкостью. В ней была голова мужчины в сером, с закрытыми глазами и приоткрытым ртом. Доктор постучал по стеклу. Голова открыла глаза...

Мужчина, уже не в сером пальто, а больничном халате, со шпрамом, который опоясывал по кругу его шею сидел напротив доктора в его кабинете.

– Ну, как вы себя сегодня чувствуете? – спросил доктор.

– Получше, – ответил мужчина, мутно глядя в пол.

– Это хорошо, – доктор делал какие-то заметки в своей тетради, скрипя карандашом.

Они посидели молча с минуту.

– Вы знаете, – оборвал молчание доктор, – сколько времени прошло с того злополучного дня?

– Смутно представляю.

– Около полугода.

– Быть того не может, – мужчина искренне удивился.

– Да-да, – отстранёно протянул доктор, что-то помечая в тетради.

Снова воцарилось недолгое молчание.

– Как вас величать? – спросил доктор.

– Игнатом.

– А по батюшке?

– Нет у меня батюшки. И не было никогда.

– А в документах у вас как было записано?

– Натальевич. По матушке.

– Любопытно, – удивился доктор.

– Не вам первому.

Доктор что-то записал.

– Ситуация такова, Игнат Натальевич. В городе нашем нечистая шалит и воду мутит лет уже так дцать. Всех подробностей я вам рассказать не могу, потому как сам не особо осведомлён, но скажу, что выбраться вам отсюда будет непросто.

– Хотелось бы какой-то ясности.

– Всё, что я могу вам сказать, это то, что туловище ваше, а равно и руки с ногами к нему прилагающиеся вы уже не

вернёте. Но вы можете найти Якова, который собственно вас в это и втянул.

– Он знает, как отсюда вырваться?

– Сказать честно я не знаю. Но знаю, что знает он многое, так как все самые тёмные дела у нас творит он. И вы лишь малая часть его злодеяний.

– Когда я смогу отсюда выйти?

– Пожалуй, недельку я вас понаблюдаю, т.к. этот ваш сомнамбулизм ночной мне не по душе. Вам требуется покой.

– Сомна... Что?

– Сомнамбулизм. Проще говоря, вы лунатик. Ходите по ночам, а потом не помните этого. Замечали усталость по утрам?

– Да.

– Вот. Это всё последствия.

– Я вас понял, – задумчиво сказал Игнат.

Доктор закрыл тетрадь.

– Идёмте в палату.

Они вышли.

...

Хроника дальнейших событий была утрачена в связи с поджогом рукописи. По её остаткам достоверно удалось установить лишь несколько деталей того, что последовало затем. Яков застрелил коня, который,

якобы, во время его прогулки подошёл к Якову сзади и что-то шепнул, касательно мести. Долго Яков убегал от коня, пока не забежал в переулок и не обнажил револьвер в его сторону. Был назван вдовой «идиотом», т.к., судя по всему, он поделился с ней этим известием. Пытаясь покинуть город, он пересёкся на вокзале с Игнатом Натальевичем, где и был застрелен в дуэли. Игнат же покинул город и стал егерем. Остальное неизвестно.

Сначала 2013-2015 потом ещё 2017-2018